

1

«НОГТИ ДЬЯВОЛА»

И «ЗМЕИНЫЕ КАМНИ»

Отца я любила. Он был лучшим отцом на всем белом свете. Матушке все мое детство было не до меня. Она возилась с младенцами, которые постоянно умирали, а на смену им то и дело рождались новые. Вот и я стала второй Мэри в семье — об этом я уже упоминала.

На младенцев я не обращала особого внимания. Они постоянно кричали, вопили... или сразу умирали. В основном умирали. После этого матушка днями напролет начинала причитать и плакать, наотрез отказывалась от еды. На отца тоже было больно смотреть. Но как только малышей хоронили, он уходил в скалы — сначала один, а потом стал брать нас с Джозефом.

Мой брат Джозеф старше меня на два года. В раннем детстве мы почти не расставались и были не разлей вода. Я любила брата так же сильно, как отца. Хотя нет, отца все-таки больше.

Матушка хвалила Джозефа за его доброту: он играл со мной, потому что, кроме него, я больше ни с кем не дружила.

Мальчишки и девчонки из воскресной школы казались мне ужасно глупыми. Учиться они не любили — все время хохотали, где-то носились да валяли дурака. Водиться с ними мне совершенно не хотелось. Как-то раз одна из девочек, Эмми, попыталась вплести мне в волосы ленточки. А потом посоветовала одеваться наряднее, а то замуж никто не возьмет. Какая чушь, ей-богу! До нарядов мне не было никакого дела. Куда больше мне хотелось стать сильной или умной — лучше и то и другое. Для этого никакой муж не нужен!

Мне было лет шесть, когда отец впервые взял меня с собой искать «драконьи зубы» и другие диковинки. До сих пор не понимаю, отчего некоторым так нравится играть в куклы, прыгать через веревочку, распевать дурацкие песенки, если вместо всего этого можно отправиться на поиски самых настоящих сокровищ?!

Сколько себя помню, мне всегда нравилось искать окаменелости вместе с отцом. Какие истории он мне рассказывал, когда я была маленькой! А какие сокровища приносил! «Крокодиловы зубы» — белые и острые! «Змеиные камни»! Маленьких свернувшихся змеек, которых много веков назад святые обратили в камень, а потом забросили в море, на самую глубину. Отец рассказывал, что стоило только намочить их — и змеи

тут же просыпались и уползали или, чего доброго, впивались в людей своими ядовитыми клыками!

Он даже давал мне их подержать. Я стискивала их в кулачках что было мочи на случай, если они вдруг оживут и зашевелиятся прямо у меня в руках. Порой я будто чувствовала, как змейки отчаянно пытались ускользнуть, но всякий раз, когда я разжимала кулак, они по-прежнему лежали на ладони, заточенные в свою каменную темницу.

Твердые и блестящие «дамские пальчики» совсем не походили на пальцы всамделишных дам. Помнится, некоторые звали их «громовыми стрелами». Но только не отец. Наверное, он боялся невольно меня испугать, напомнить о том страшном ударе молнии. Но когда я стала постарше, отец начал ласково величать меня Молнией Мэри, когда хотел похвалить за смекалку или за какой-нибудь интересный вопрос об ископаемых со-кровищах.

А еще мне не раз попадались «ногти дьявола». Название и впрямь жутковатое, согласитесь! Можно подумать, что они куда страшнее «дамских пальчиков». Но меня они нисколько не пугали. К слову, они и впрямь походили на огромные белые ногти! Бр-р-р! Хотя мне дьявол всегда представлялся с черными ногтями. Ну или хотя бы с красными.

С самого детства меня завораживали все эти диковинки. Больше всего на свете я хотела сама отыскать

такие сокровища! Отец посмеивался над моим упрямством, называл хвостиком, потому что я вечно ходила за ним по пятам. И мне это нравилось. Лично я считаю, что упрямство — одно из важнейших качеств, особенно если оно помогает достичь заветной цели!

Как-то в воскресный день отец вскочил из-за стола и объявил, что сегодня мы с ним пойдем на Черную Жилу* — будем искать окаменелости. Матушка тут же принялась причитать. Она вечно чинила препятствия его «маленьким экспедициям», как она их называла. Обычно ее злило, что отец уходил к морю, вместо того чтобы зарабатывать нам на пропитание.

Но в тот день все было иначе. Ей не хотелось, чтобы он брал меня на Черную Жилу. Да и мне от этого жуткого названия стало не по себе. Безопасное место так не назовут, согласитесь. Так впору величать обитель самого дьявола, где он притаился, поджидая грешников, сошедших с пути праведного. Особенно в воскресный день, который полагается посвящать Господу: молиться, ходить в церковь на службу — или в воскресную школу, куда должна была отправиться я.

— Ричард, на Черной Жиле опасно! Ребенку там не место! Ты что, не слышал, что всего неделю назад случился страшный обвал и два человека погибли?! Да и потом, разве не ты без конца твердишь, как важно

* Имеется в виду утес Black Ven в Дорсете (Англия). — *Здесь и далее прим. ред.*

для Мэри образование?! А теперь сам же не даешь ей пойти в школу в единственный день, когда она может это сделать!

Разговоры про школу я пропустила мимо ушей. Я всегда с охотой ходила на занятия, но сейчас матушкины взволнованные речи подействовали на меня иначе. Целых двое погибших! По спине пробежал холодок, но, клянусь, не от страха. А от волнительного предвкушения.

Матушка, по всей видимости, заметила мое воодушевление и заспорила с отцом пуще прежнего.

Но это было бесполезно. Если отец что-то решил, значит, так тому и быть, и не важно, что и кто говорит. Матушкины доводы его не убедили. Тогда она спрятала мои башмаки, но Джозеф тут же нашел их и помог мне обуться — матушка даже возразить ничего не успела.

— Ты тоже с нами? — спросила я у брата, когда он выпрямился, отряхнув пыль с колен.

— Не-а, — подмигнул он. — Мы с Эзрой и Натаном пойдем запускать нового воздушного змея. Так что сегодня отец целиком твой.

От восторга по спине вновь пробежали мурашки. Я надела шляпку и обмотала шею толстым шерстяным шарфом — была зима, и на улице стоял мороз.

— Уж мы раскрасим тебя румянцем, а то ты больно бледненькая, — потрепав меня по щечке, ласково сказал

отец. — А сколько нового узнаем — в школе того и за неделю не расскажут!

— Ты, главное, ребенка не угрожь, — вполголоса проворчала матушка. — Сдается мне, в этой семье я одна почитаю Бога! Что ж, буду молить Небеса о спасении ваших душ — больше ничего не остается.

Усмехнувшись, отец хотел было поцеловать матушку, но та увернулась. Отец только фыркнул — уж кто-кто, а он хорошо знал матушкин нрав.

— Успеем еще намолиться, Молли, когда вернемся домой. Господь милосерден и не осудит меня за желание привить своему чаду любовь к Его творениям! Это так важно, ты только задумайся! Как знать, может, на берегу на меня снизойдет Святой Дух и я начну проповедовать!

— Святой — вряд ли, а вот дьявольский — вполне возможно, — проворчала матушка. Она любила, чтобы последнее слово непременно оставалось за ней.

Отец торопливо схватил кирку, стоящую у двери, — он всегда ходил с ней на берег, — а потом порылся в мешке с инструментами и протянул мне крохотный молоточек. Мне страшно захотелось швырнуть его на пол — таким он показался детским и кукольным. Но отец, заметив мой сердитый взгляд, сжал мои руки в своих, не давая бросить инструмент.

— Поверь старику, он тебе еще пригодится. Вот увидишь!

Во мне вдруг вспыхнула гордость — шутка ли, я управляюсь вдвоем с отцом на поиски настоящих сокровищ! И никто нам не помешает!

На улице стоял жуткий холод, завывал ветер — и по городу мы шли, зябко втянув голову в плечи. День был воскресный, и потому по пути нам почти никто не встретился, но я все время ловила на себе взгляды любопытных кумушек, которые зорко следили за нами сквозь приоткрытые ставни и неодобрительно качали головой. Отец не обращал на них никакого внимания. Мы срéзали путь через дворик, разбитый перед храмом Святого Архангела Михаила. Скоро должны были зазвонить колокола, напоминая о том, где на самом деле полагается всем находиться в день воскресный. Отец, по своему обыкновению, что-то беззаботно насвистывал — он всегда так делал по пути на берег. Отец принадлежал к диссентерам* и недолюбливал всех прихожан. Он частенько называл их разряженными клоунами, которые поклоняются лишь бесконечным правилам и церковным законам, напрочь забыв о Господе и Священном Писании. Именно поэтому мы ходили не сюда, а в молельню, где Бог и Иисус почитались превыше всего.

— Вечером непременно ходим в молельню, — заверил меня отец.

* Диссентеры — название английских протестантов, которые отклонились от официально принятого вероисповедания и отделились от господствующей епископальной церкви.

Меня, как и отца, нисколько не тревожила людская молва.

Мы пересекли лужайку и вышли на тропу, ведущую к Черной Жиле, за которой темнел Чармут. Справа от нас шумело море — свинцово-серое, неприветливое. Словно огромное чудище, оно извергало на берег пенистые волны, потом затихало, набираясь новых сил.

— Ветер усилился, — предупредил отец. — Ты никак боишься, малышка моя? Напугали тебя матушкины рассказы?

— Ни капельки! — с чувством воскликнула я, но мои слова тотчас же унес порыв ветра. — Это настоящее приключение я не пропущу ни за что на свете!

— Моя ты умница! Моя Молния Мэри!

Он крепко обнял меня, и мы двинулись по тропе дальше, но через несколько ярдов вновь остановились.

— С каждым днем тропа становится все уже, Мэри! Когда-то по ней можно было пройти вдвоем, держась за руки, но погляди, во что она превратилась теперь.

И в самом деле, край тропы был изломанным, неровным. Внизу под нами раскинулся пляж — его усеивали обрушившиеся комья земли, смешанной с травой. Море, точно хищник, потихоньку обгладывало берег: заглотивало отломанные куски, а потом вновь выплевывало их на сушу.

— А когда мы пойдем назад, тропа еще будет на месте? — спросила я.

— Почему ты спрашиваешь? — улыбнулся отец. — Тебе страшно? Хочешь, вернемся домой? Тропу и впрямь может смыть, как знать!

— Тогда это будет настоящее приключение!

Отец улыбнулся еще шире.

— Смелая моя малышка Молния! И всюду-то ты видишь приключения! Только матушка меня заживо спалит, если с тобой что случится! — прибавил он и погрузнел. Наверное, вспомнил первую Мэри, которая в самом деле сгорела заживо.

Земля под ногами скользила, поэтому ступали мы очень осторожно. Я была слишком мала и до конца не понимала, как опасны такие походы. Уже потом я начала не на шутку волноваться за отца, когда тот уходил к морю, — и не зря.

Конечно, есть люди, которые бросаются в море по доброй воле. Старый мистер Крукшенкс раньше ходил искать окаменелости вместе с отцом, но потом обеднел настолько, что уже не мог купить и куска хлеба. Тогда он кинулся в море с Ружейного Утеса, ища в темных волнах спасение от всех своих горестей. Матушка как-то сказала, что такая же участь могла постигнуть и отца, не будь у него заказов на мебель. Если бы не его работа — изготовление деревянной мебели для богатей — нам было бы не на что жить. Ведь одной продажей «дурацких безделушек» — так матушка звала окаменелости — не прокормиться.

Впрочем, работа столяра приносила не так уж много денег. Как-то раз в мастерскую заглянула дама по имени Джейн Остин и спросила у отца, во сколько обойдется починка крышки от деревянного сундука. Сундук был чересчур громоздким, и отцу пришлось идти к ней домой, чтобы осмотреть изделие. Он назвал справедливую цену — пять шиллингов. Дама возмутилась и заявила, что это стоит дороже, чем все столы и стулья в ее меблированных комнатах. Ее слова неприятно задели отца, но он промолчал. Дама явно не представляла, каких трудов стоит собрать воедино поломанные кусочки и восстановить все петли! Позже отец узнал, что Джейн Остин писала книги для богатых дам, которым больше нечем заняться, кроме как целыми днями валяться на диване и читать романчики. Ко всему прочему, она еще и подписывала свои книжонки чужим именем. Отец решил, что она, должно быть, пишет из рук вон плохо, потому у нее и нет денег на столяра.

Матушка сказала, что надо было снизить цену, но отец даже слышать о том не хотел. Он любил повторять, что если не брать ни гроша за свою работу, люди будут думать, что она ничего не стоит. Тогда матушка отметила, что лишь предложила ему снизить цену, а не работать бесплатно, но отец уже не слушал. Он пропускал мимо ушей ее вечные укоры. Это умение я унаследовала от него, и, скажу вам, оно немало пригодилось мне в жизни!

Вскоре мы добрались до утеса Черная Жила. Сказать по правде, он скорее был грязно-серым, а не черным. Как объяснил отец, это из-за древней глины под названием «голубой лейас». Если честно, она была не особо голубой, но и впрямь очень древней. Так вот, утес весь пестрел разными оттенками серого с тоненькими прожилками ярко-оранжевого и ржавого. Кое-где с трудом пробивалась наружу трава. Над побережьем висели мрачные тучи, и прибрежные скалы угрожающе чернели вокруг. В тот миг мне показалось, что где-то здесь и впрямь таится дьявол. Мое сердце замерло.

Отец присел на корточки и обхватил ладонями мое лицо.

— Присмотрись повнимательнее к старушке Черной Жиле, — сказал он. — С ней нужно быть начеку. Видишь вон тот камень? — Он указал на большой черный выступ, на вид весьма скользкий. — Он обрушится, не успеешь и рта раскрыть, чтобы позвать на помощь! Кричать «Помогите!» будет уже поздно. Когда-то здесь были поля, заросшие сочной зеленой травой, и на них пасся скот. Но однажды все рухнуло в море. Скот потонул. Фермер лишился всего, что имел. Повезло, что сам выжил. А вдоль тропы, по которой мы с тобой шли, стояли дома. Ничего не осталось. Это оно поглотило все без остатка. — И отец кивнул на бескрайнее зеленоватосерое море. — Море отняло многое, а сколько еще забрет! Оно пожирает все без разбора: коров, земную

твердь, сады, детей... В любую секунду земля может уйти у нас из-под ног и, не предупредив никого, вернуться снова в море, к своим истокам. Запомни, Мэри: земля жестока, и море жестоко, да и сама жизнь жестока — и ничего с этим не сделать.

— Зачем же ты сюда приходишь, если здесь так опасно? — спросила я.

Признаюсь, в тот миг мне и впрямь стало очень страшно.

— А вот зачем! — воскликнул он и легонько постучал по комку глины. — За сокровищами, которых тут пруд пруди!